

УДК 81'16

С.И. Меньшикова

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕТАКОНЦЕПТА «НРАВСТВЕННОСТЬ»

Рассматриваются особенности структурной организации метаконцепта НРАВСТВЕННОСТЬ в художественных текстах, обусловленные различиями в индивидуально-авторской системе когнитивной репрезентации. Акцентируется внимание на взаимоотношениях между концептами, составляющими периферию концептуальной оппозиции ДОБРО–ЗЛО.

Ключевые слова: метаконцепт, концепты, полевая структура, когнитивная репрезентация.

Известно, что концепт является составной частью постоянно меняющейся системы когнитивных репрезентаций личности. Представляя собой совокупность взаимосвязей, отношений, он отражает изменения, происходящие в реальности, и затрагивает многие явления, в том числе и морально-ценностные, несмотря на то, что они характеризуются определенной длительной стабильностью, в отличие от нравов, связанных с внешними формами жизни общества и не имеющими устойчивости. Нравственные концепты характеризуются тем, что базируются на сознательности как высшей мере нравственно ответственного поведения, и рассматривать их следует не отдельно, а в системе, функционирование которой регламентируется метаконцептом НРАВСТВЕННОСТЬ.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить специфику структурной организации метаконцепта НРАВСТВЕННОСТЬ и средства его репрезентации в различных текстах.

«Содержание концепта складывается из содержания множества слов, контекстов и текстов, в которых откладывается общее понимание некоторого факта сознания...» [3: 116], а сознание «находит выражение в отношении индивидуального “я” к тому, что есть, может или могло бы быть» [1: 162]. Анализируя концепты, и в частности нравственные, мы не можем дистанцироваться от конкретного субъекта речемыслительной деятельности, поэтому, согласно точке зрения А.А. Залевской, рассматриваем концепт как достояние индивида, как «спонтанно функционирующее в речемыслительной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, отличающееся от понятий и представлений по ряду параметров» [2: 243]. Нравственные концепты затрагивают, в первую очередь, сферу духовной культуры, поэтому особое внимание уделяется определенным психическим состояниям, где восприятие и понимание выступают в единстве с личностным отношением к действительности.

Концепт, как правило, имеет вербализованную часть, поскольку, не будучи выраженным, он остается неосознанным, размытым. Именно фиксированное языковое выражение позволяет исследовать концепт и определить его место в картине мира, сформировавшейся как в групповом, так и в индивидуальном сознании.

Исследователи, как правило, выделяют в концепте ценностную, образную и понятийную составляющие, каждая из которых выполняет свою функцию, а также отмечают полевую организацию концепта, которая отражает иерархию отдельных когнитивных признаков. Рассматриваемый в статье метаконцепт НРАВСТВЕННОСТЬ реализуется через такие абстрактные концепты с нравственной семантикой, как ДОБРО, ЗЛО, СОВЕСТЬ, СТЫД, ВИНА, СТРАДАНИЕ, СОСТРАДАНИЕ, ЛЮБОВЬ и другие, имеющие конкретное проявление в определенных ситуациях объективной действительности и репрезентирующиеся разнообразными языковыми средствами в различных текстах. В каждом художественном тексте структура метаконцепта не будет одинаковой, однако неизменным будет оставаться его ядро – концепты ДОБРО и ЗЛО.

Рассмотрим структурную организацию метаконцепта НРАВСТВЕННОСТЬ и средства его вербализации в рассказе А.П. Чехова и в тверских летописях первой половины XVII века.

Степан Степанович Жилин, герой рассказа А.П. Чехова «Отец семейства», причисляет себя к интеллигенции и по-своему заботится о воспитании семилетнего сына Федей, для чего держит в доме гувернантку. Он чувствует себя отцом семейства, главой семьи, единственным источником ее материальных благ, поэтому считает возможным деспотически распоряжаться в доме, не считаясь ни с кем. Проснувшись в дурном настроении, он недоволен всеми домочадцами, особенно Федей, и пытается что-то исправить в его воспитании. В результате такой системы воспитания, губительно действующей на ребенка, Федя растет запуганным и забитым отцовским самодурством. Когда на следующий день выпавшийся Степан Степанович пытается приласкать сына, тот *«при виде отца поднимается и глядит на него растерянно... бледный, с серьезным лицом... Федя касается дрожащими губами его щеки... и молча садится на свое место»* [9: 99].

Исходя из полевой структуры концепта, рассматриваемую в качестве ядра оппозицию ДОБРО–ЗЛО метаконцепта НРАВСТВЕННОСТЬ можно представить в виде двух взаимодействующих, вербально выраженных полей. Ядро концептов составляют основные признаки, репрезентируемые одноименными лексемами, однако они передают только общее значение, представленное в словарных статьях. Периферия представляет собой содержание уже других концептов, в той или иной степени мотивированных концептами ДОБРО и ЗЛО. Структурная организация метаконцепта НРАВСТВЕННОСТЬ в рассказе будет представлена следующим образом: ядром метаконцепта являются концепты ДОБРО и ЗЛО. Концепт ДОБРО мотивирует концепт СОВЕСТЬ, который, в свою очередь, мотивирует концепт СТЫД.

В данной статье мы не будем подробно останавливаться на периферийной зоне и расширениях концептов СОВЕСТЬ и СТЫД, поскольку для нас важна сама структурная организация метаконцепта в конкретном тексте, представленная в самом общем виде.

Как отмечают многие исследователи, эмоциональные проявления негативного характера в художественных текстах встречаются значительно чаще, чем положительные. Например, Н.Ю. Моспанова отмечает, что общее число морфологических средств-репрезентантов концепта ЗЛО в полтора раза больше, чем у концепта ДОБРО, что «еще раз подтверждает мысль о разнообразии проявлений зла, его многоликости, более четкой дифференциации» [4: 61].

Концепт ЗЛО представлен концептами САМОЛЮБИЕ, ДЕСПОТИЗМ, САМОДУРСТВО, СТРАХ. Данные концепты не являются эмотивными, но они проявляются через эмоции. Согласно словарной статье, зло – «все дурное, плохое, вредное; злое чувство, гнев, досада» [5: 612]. В семантическом поле концепта ЗЛО можно выделить интегральные признаки, к которым относятся отрицательная оценка эмоции, причина ее появления, стремление к причинению вреда, объектные отношения.

Что касается формы проявления эмоции, то обязательное вербализованное выражение эмоционального состояния зависит от уровня когнитивности и сложности переживаемых состояний. Например, герой рассказа просыпается «в необычайно пасмурном настроении», вид «кислый, помятый, разломаченный», на лице «выражение недовольства». Это только описание эмоционального состояния, в этом нет пока еще зла, но это уже предпосылки его проявления.

Для вербально выраженного концепта точкой отсчета является центральное значение – основное словарное значение лексической единицы. Возможные связи между центральными и менее центральными концептами, организованные по принципу расширения, могут иметь метафорическое и метонимическое выражение. Согласно словарной дефиниции, деспотизм – «неограниченная власть, произвол» [5: 392]; самодурство – «образ действий, поведение самодура, поступок самодура»; самодур – «тот, кто действует по личному произволу, по своей прихоти, не считаясь с другими людьми» [6: 18]. В рассказе концепты ДЕСПОТИЗМ, САМОДУРСТВО не представлены одноименными лексемами, только в одном случае концепт САМОЛЮБИЕ обозначен соответствующей лексемой: «но самолюбие слишком велико, не хватает мужества быть искренним...», во всех остальных случаях названные выше концепты репрезентированы чаще всего глагольными формами: «громко отплевываясь», «шлятся», «морицится», «возмущаются», «воняет».

Концепт СТРАХ реализуется через описание психического состояния ребенка, доведенного до слез, причем писатель использует такое средство выразительности, как градация. И если в начале рассказа Федя «бледнеет», «на глазах у него навертываются слезы», «глаза переполняются слезами»,

то потом он «взвизгивает и начинает рыдать», «взвизгивает и рыдает еще больше». Сниженная лексика по отношению к сыну – «скверный мальчишка», «мерзкий мальчишка», «скотина», «подлец» «болван», свидетельствует о проявлении деспотизма и самодурства отца семейства.

Такие эмоциональные состояния, как *бешенство, буйство, злость, лютость, свирепость, ярость*, которые репрезентируют концепт ЗЛО, могут и не иметь вербального выражения. Однако если эти состояния описываются в тексте, то они, как правило, вербализованы если не прямыми, то косвенными номинациями. В рассказе А.П. Чехова этих крайних проявлений зла нет, но деспотизм, который отчасти включает эти понятия, проявляется в полной мере:

«Не знаю, какой нужно иметь свиный вкус, чтобы есть эту бурду! Пересолен, тряпкой воняет... клопы какие-то вместо лука... Просто возмутительно...» [9: 96].

Проанализируем структуру и средства репрезентации концепта ДОБРО. Как правило, во многих текстах одна из его составляющих представлена концептом МОРАЛЬНОСТЬ, в структуре которого находятся концепты ДОБРОТА, ВОСПИТАННОСТЬ, СООТВЕТСТВИЕ МОРАЛЬНЫМ ПРИНЦИПАМ. Однако в данном тексте концепт ДОБРО является ядром для периферийных концептов СОВЕСТЬ и СТЫД. Как писал В.С. Соловьев, «стыд и совесть говорят разными языками и по разным поводам, но смысл того, что они говорят, один и тот же: это не добро, это не должно, это недостойно» [7: 133]. Совесть и стыд проявляются там, где совершен грех, т.е. зло, но уже само их проявление, несомненно, относится к тому, что можно назвать добром. Понятие «совесть» обычно определяют как эмоционально-рациональную способность критически оценивать себя исходя из имеющихся представлений о добре и зле. Согласно словарной дефиниции, совесть – «чувство и сознание моральной ответственности за свое поведение и поступки перед самим собой, окружающими людьми, обществом» [6: 175]. Стыд – непосредственная эмоциональная реакция человека на несоответствие, по его представлению, поступков, слов или мыслей нормам морали или правилам общественного поведения – «чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения [6: 296]. Концепты СОВЕСТЬ и СТЫД репрезентированы в рассматриваемом рассказе фразеологическим оборотом – «начинает чувствовать угрызения совести» и наречно-предикативной моделью – «ему совестно жены, сына». Следует отметить, что конструкции, передающие то или иное состояние как простую их констатацию, органично сочетаются со структурами, в которых подчеркивается интенсивность состояния, более высокий уровень градации. Сравните: *начинает чувствовать – совестно – становится невыносимо жутко при воспоминании о том, что было за обедом*. Однако на этом признаки совести и стыда у героя заканчиваются, самолюбие как проявление зла не дает ему прочувство-

вать до конца свой поступок. На следующий день от угрызений совести не остается и следа – Степан Степанович «чувствует себя в отличном настроении и, умываясь, весело посвистывает» [9: 99]. Концепт ДОБРО в рассказе представлен формально, те краткосрочные проявления совести и стыда никак нельзя отнести к добру, однако лексические средства номинируют концепт ДОБРО.

Следует отметить, что концепты ДОБРО–ЗЛО связаны с проявлением чувств и эмоций. Смысл возникающих нравственных чувств заключается в подчинении поступков требованию общественной морали. Несомненно, концепты с нравственной семантикой, помимо этической составляющей в качестве ядерного компонента, включают и эмоциональный компонент (относящийся, как правило, к периферии), который выражает ту или иную степень переживания при нарушении моральных норм. В рассказе концепты, регламентируемые метаконцептом НРАВСТВЕННОСТЬ, в основном являются периферией концепта ЗЛО.

Таким образом, структуру метаконцепта НРАВСТВЕННОСТЬ можно представить следующей схемой (см. рис. 1).

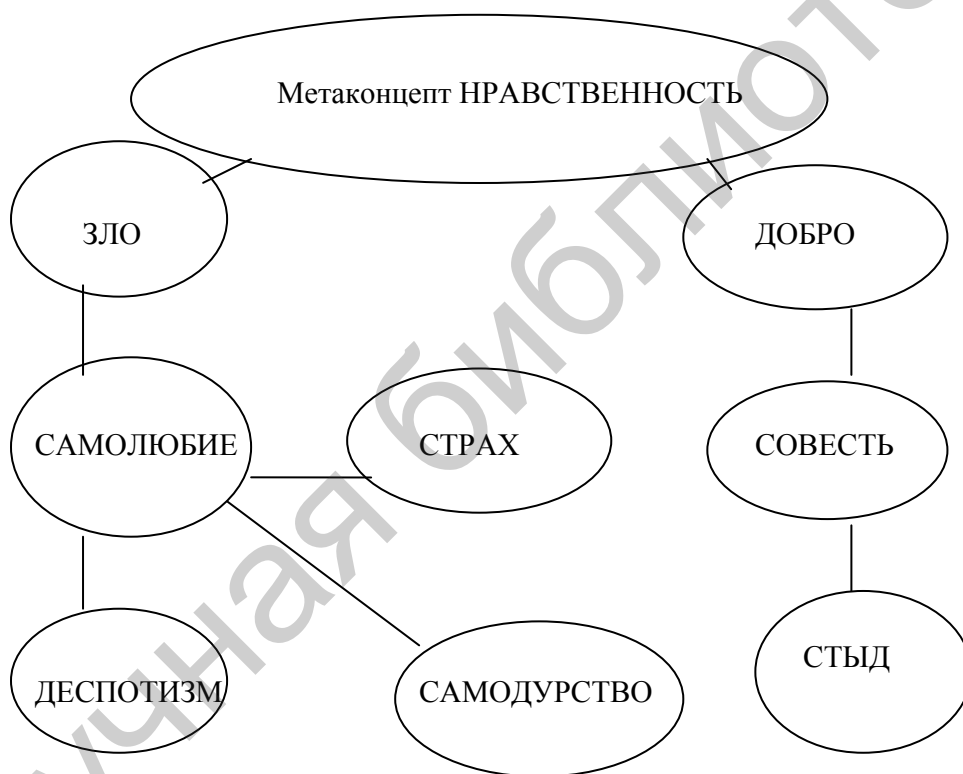

Рис. 1

Особый интерес представляет, на наш взгляд, структурная организация метаконцепта НРАВСТВЕННОСТЬ в Тверских летописях XIII–XVII вв., в частности в «Житии Анны Кашинской». Современный читатель мало знаком с памятниками древнерусской литературы, в которой ярко выражена обращенность человека к Богу, взаимоотношения Бога и всего человечества. «Житие Анны Кашинской» создавалось спустя несколько лет после ее кончины, поэтому содержит мало биографических сведений, но автором был создан образ идеальной святой. В «Житии Анны Кашинской» заметно проявляется «этикетный стиль», который подразумевает, что герои произведения живут как идеальные герои, а не как реальные люди. В связи с этим оценки «Жития Анны Кашинской» не были однозначными. Выбрав текст «Жития Анны Кашинской» для исследования структурной организации метаконцепта НРАВСТВЕННОСТЬ, мы руководствовались тем, что «оно не биография Анны и даже не ее портрет, а образец для подражания потомству, завет ему, греза, идеал, «похвала»...» [8: 151].

Метаконцепт НРАВСТВЕННОСТЬ представляет собой условную ментальную единицу, обозначающую надстройку, своеобразный идеал, набор правил, которым должен руководствоваться человек в жизни и который регулирует и контролирует составляющие этот концепт абстрактные нравственные концепты. Нравственные концепты актуализируются и взаимодействуют в каждой определенной ситуации по-разному, имеют конкретное проявление в действительности и вербальную репрезентацию.

Как было отмечено выше, метаконцепт НРАВСТВЕННОСТЬ – сложное образование с двумя основными концептами ДОБРО и ЗЛО, поскольку нравственность – это нормы морали с точки различения добра и зла. Там, где нарушен запрет делать зло, проявляется совесть. Концепт ДОБРО мотивирует концепт СОВЕСТЬ. К периферии концепта СОВЕСТЬ можно отнести концепты СТЫД, ВИНА, СТРАДАНИЕ. Стыд проявляется там, где есть осознание вины. Данные концепты, в свою очередь, могут иметь следующие расширения: *неловкость, неудобство, стыдливость, прегрешение, проступок, мука, боль, скорбь*. Концепт ЛЮБОВЬ в его моральном значении мотивирует концепты СОСТРАДАНИЕ, СОЧУВСТВИЕ, ЖАЛОСТЬ, имеющие расширения: *милосердие, участие, гуманность, отзывчивость, сожаление, благожелательность*. Концепт ЗЛО связан с концептом ГРЕХ, который будет центральным по отношению к концептам, связанным с моральными чувствами: *гнев, гордость, зависть, негодование, ненависть, ревность, самолюбие, тщеславие, честолюбие, с моральными качествами: вероломство, коварство, лицемерие, предательство, ханжество*.

Однако мы сталкиваемся с совершенно другой структурой метаконцепта НРАВСТВЕННОСТЬ, когда рассматриваем систему концептов в «Житии Анны Кашинской». Оно об идеальном человеке, о святой, образце для подражания, поэтому концепты структурированы не радиально, а исключительно вертикально. Они располагаются ступенчато, и каждая ступень есть приближение к Богу.

Рассмотрим систему и средства репрезентации ключевых концептов «Жития Анны Кашинской». Первый концепт, находящийся в основании вертикали, – СЕМЬЯ. В русской православной культуре достоинство и значение человека были связаны с соборным бытием, т.е. с общностью духовной и нравственной жизни русских православных людей, и в первую очередь, в семье. Семья укрепляла и растила, на нее надеялись. И конечно, в «Житиях» святых семье отводилось важное место. О семье Анны Кашинской сказано, что она была дочерью *«благородных и благочестивых родителей, славных бояр, и доброе имела воспитание в страхе Господнем, и научена Его пресвятыя заповеди исполнять», «хорошо научена страху Господню», «пищей ей была молитва непрестанная и стремление ненасытное к Богу»* [8: 231]. Если в «Житии Анны Кашинской» мы будем рассматривать концепт СЕМЬЯ в качестве центра, то ближайшей периферией будут концепты БЛАГОЧЕСТИВОСТЬ, СТРАХ ГОСПОДНИЙ, ДОБРОТА.

В «Житии» мы читаем: *«нищим же и убогим давала милостыню»*. Концепт ДОБРО может быть репрезентирован дериватами ключевой лексемы, например: *доброта, добрый, добродетель*, а также лексемами-синонимами. В семантическом поле «Добро» представлены следующие лексемы: *благо, благодать, счастье, хороший поступок*. Производные от синонима *благо* тоже репрезентируют концепт ДОБРО: *благодетель, благословение, благодарить, благополучие* (см. рис. 2).

Следующая ступень по пути восхождения к Богу – концепт БРЕННОСТЬ МИРА, мотивирующий концепты СМирЕНИЕ, ЛЮБОВЬ. Осознание бренности, мимолетности земной жизни, красота которой есть *«обман и скоро проходит, как тень, мимо течет»*, приводит к смирению и любви к ближнему.

Очень важный концепт в «Житии Анны Кашинской» – СТРАДАНИЕ, к периферии которого можно отнести концепты МУЧЕНИЧЕСТВО, САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ. Когда Михаил Тверской едет на верную смерть в орду, Анна наставляет его словами:

«И если, господин мой, благоверный княже, пойдешь к беззаконному царю и по своей воле хочешь пострадать за имя Господа Иисуса, когда никто тебя не понуждает ныне пойти, блажен будешь из рода в род, потому что пострадал ради пострадавшего за нас» [8: 234].

Михаил Тверской берет с собою только одного сына, чтобы тот видел страдания отца и рассказал об этом всем, потому что пострадал Михаил Тверской за Господа. Следующая ступень восхождения после страдания – очищение, когда плоть подвластна духу, и это приближает к Богу. Михаил достиг очищения подвигом ради Христа, благоверная княгиня Анна Кашинская оставляет дом и власть и хочет поселиться в монастыре, чтобы более понести тяготу, *«отверглась мирских соблазнов»*, постоянно томила себя голодом и жаждою, потому что заботилась о душе, а не о плоти.

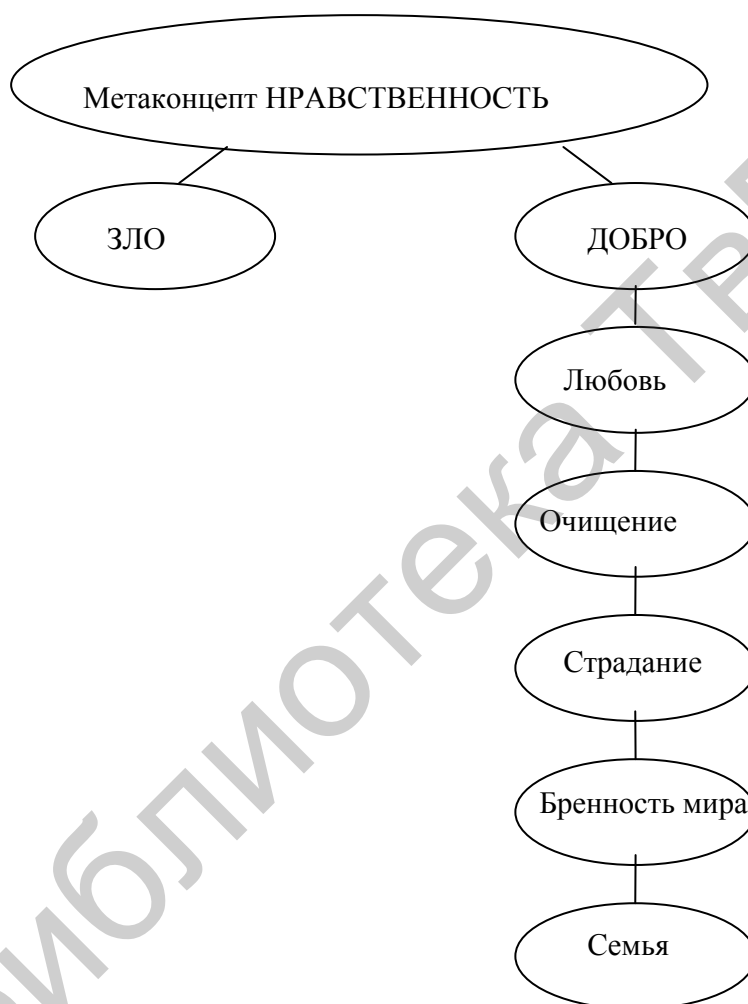

Рис. 2

Концепт ОЧИЩЕНИЕ является центром по отношению к периферийным концептам ТЕРПЕНИЕ, СМирЕНИЕ. Концепт ОЧИЩЕНИЕ является периферийным по отношению к концепту ЛЮБОВЬ, где любовь понимается как «исполнение закона», как высшее проявление Добра. Таким образом, в «Житии Анны Кашинской» нравственные концепты структурированы вертикально, показывая ее путь восхождения к Богу:

«... пребывая на земле, от младых ногтей начала Богу служить благими делами и всем сердцем любить Его, все же видимое и сущее на земле ставить ни во что, как обман мира сего» [9: 240].

Специфика структурной организации метапонцепта ПРАВДСТВЕННОСТЬ в «Житиях» заключается в том, что рассматривать их следует вертикально, а ядро и периферия взаимно обусловлены по восходящей линии.

Таким образом, концептуальная оппозиция ДОБРО–ЗЛО составляет диалектическое единство в качестве неизменного ядра метаконцепта ПРАВСТВЕННОСТЬ, а остальные нравственные концепты – их периферию. Однако в каждом отдельном случае взаимосвязи и взаимоотношения между концептами будут различными, актуализация каждого из составляющих концептов и их вербальное выражение будут обусловлены самим текстом. Метаконцепт ПРАВСТВЕННОСТЬ следует рассматривать не как систему конструкторов и правил их комбинирования, а как систему концептов, связанных с индивидом и его концептуальной картиной мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брудный А.А. Пространство возможностей: Введение в исследование реальности. – Бишкек: Илим, 1999. – 388 с.
2. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
3. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 432 с.
4. Моспанова М.Ю. Добро и зло //Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина.– Волгоград: Парадигма, 2006.– Том 3. – С.50–67.
5. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1984. – Т. 1. – 750 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1984. – Т.4. – 790 с.
7. Соловьев В.С. Собр. соч. в 2 т.– М.: Мысль, 1988. – Т.1. – 893 с.
8. Тверская классика. Том первый: Тверские летописи. Том второй: Повести, жития, сказания... – Тверь, 2005.– 448 с.
9. Чехов А.П. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1970. – Т. 2. – 542 с.

УДК 81`243:372.8

В.А.Миловидов

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются дискуссионные проблемы изучения иностранного языка на материале литературно-художественного текста. На основе анализа доминирующей в литературном тексте миромоделирующей референции показываются проблемные зоны практики использования художественного текста как материала преподавания.

Ключевые слова: иностранный язык, преподавание, литературный текст, референция.

Принято считать, что литературный текст есть идеальный материал для лингводидактики: поскольку писатель является создателем национального языка (Пушкин создает русский литературный язык, Шекспир – английский), овладеть языком чужой нации можно наиболее успешно именно